

Богоявленская Диана Борисовна
г. Москва

Мои учителя

... «Учитель» происходит от глагола учить. Те, кого помнит мое сердце, дали мне больше, чем конкретные знания. Они научили меня быть таким человеком, каким я старалась быть.

Первым учителем жизни была моя двоюродная бабушка. Мама звала ее тетей, и я с рождения восприняла это как имя собственное. На работе ее звали Марией Григорьевной, во дворе, те, кто обычно сидят на лавочках, между собой – «Святой Марией», а интеллигенция нашего дома – «женщиной с книгой». Она и мне много читала. Но из всех сказок мне больше всего понравился рассказ про Машу – революционерку, которая спасла папу, перепрятав типографский шрифт из подпольной газеты в крынку с молоком.

Тетя была молчалива и внешне сурова, но сказанное ею, становилось отправной точкой, вектором моего поведения, а затем и мировоззрения.

Воздушные тревоги начались с первого дня войны. Тетя Маня сшила мне маленькую санитарную сумочку с красным крестом. В нее клалось печенье на случай длительной бомбежки. Во время тревоги она отводила меня в бомбоубежище, а сама поднималась на крышу, чтобы как медсестра оказывать помощь раненым. В один из дней бомба попала в соседний дом, нас потрянуло, погас свет, и началась паника. В темноте все бросились к выходу с криком, что нас завалило. Я осталась стоять на месте. Плача все снова вернулись, так как дверь действительно не открывалась. Я не плакала. Я представляла, как сейчас моя Тетя ловит фугаски на крыше и перевязывает раненых. А я - ее девочка и должна себя вести так же, ведь недаром на мне санитарная сумочка. В темноте, ощупью я дошла до столика, на котором стояла бутылка с валерьянкой, ощупью налила ее в стакан и пошла на звук самых громких рыданий. Я тоже дежурила, только не на крыше, а в подвале.

Заложенный тетей Маней менталитет в последующие годы укрепила и обогатила русская классическая литература, занимающая стеллаж во всю стену в квартире наших соседей - семьи Гроссман, прочтенная к 7-му классу.

Моя первая школьная учительница подарила мне ощущение, что любят не только дома. Я часто смотрю на фотографии первого класса, на ее доброе лицо. И я всегда у нее на руках или рядом. Она меня - левшу приучила писать правой рукой без всякой для меня травмы. Просто все уроки стояла рядом и молча переключала карандаш из левой в правую руку.

Любовь к школе я увезла и в эвакуацию. В сильные сибирские морозы я приходила в школу задолго до занятий и на улице ждала, когда кончат мыть полы, и меня пустят в пустую школу, хотя бы в коридор. У Распутина в «Прощанье с Матерой» очень точно описаны блики солнца на свежeweымытом полу. Я их вижу до сих пор.

Вернувшись из эвакуации в конце 3-его класса, по 6-ой я фактически никогда дома не делала никаких уроков. Взрослые работали. А на мне были магазины и музыкальная школа, целых два отделения: фортепианный и вокальный. Я выступала даже в Колонном зале, мне аплодировали, и я твердо решила, что буду артисткой. Правда, петь я любила очень и даже поступала в Гнесинский институт в класс к Арфенову и весь МГУшный период пела в хоре у Попова. Но в 6-м классе пришла новая учительница по математике - Вера Викторовна. Она

вошла в класс, поздоровалась и сказала, что будет преподавать у нас предмет о красоте. Мы засмеялись, потому, что знали, что она математичка, и уж какая красота с этими трубами, из которых выливается и вливается. Смех ее не смутил. «Хорошо», – сказала она, – «тогда скажите, если Вы пойдете в Третьяковскую галерею (которая находится в соседнем Лаврушинском переулке, также выходящим на Кадашевскую набережную реки Яузы, протекающей параллельно Москве-реке) через Чугунный мост, Красную площадь, дальше через Каменный мост, на Кадашевскую набережную, наконец, в Лаврушинский переулок, то...»? «Это будет глупо», – хором закричал весь класс. Кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая. Мы поняли, что математика действительно учит красоте и полюбили ее.

Придя из школы, я, наконец, садилась за письменный стол и с наслаждением алхимика преобразовывала формулы. С таким же наслаждением мы считали в уме, умножая двухзначные числа на двухзначные с помощью различных закономерностей, которые нам раскрывала Вера Викторовна. Ко мне быстро пришла репутация математически способной ученицы, но последствия этой системы обучения оказались более значительными. Тогда я не знала, что устный счет ведет к развитию умственного моделирования.

По случаю болезни участницы шахматного турнира из нашего класса попросили ее заменить меня. Показали, какие есть фигуры, как они ходят, и я выиграла турнир. Получила разряд, а далее, не зная теории, но за счет быстрого перебора вариантов я продолжала выигрывать в студенческих турнирах и даже у мужчин, играющих на первой доске. «Ты счетная машина», – проигрывая, возмущался мой муж. Да, когда я нервничаю, я должна посчитать. Во всяком случае, к услугам калькулятора никогда не прибегала. Вместе с тем, увлечение шахматами привело меня в Шахматный клуб, где я познакомилась с шахматными композиторами. От них узнала про систему сказочных шахмат, осмысление решений на «цилиндрических шахматах» привело к разработке психодиагностического метода. На его основе мною защищены кандидатская и докторская диссертации.

Если бы Вера Викторовна не ушла из нашей школы, я, конечно, поступила бы на мехмат. Но пришла другая учительница, при которой, как теперь понимаю, я училась по индивидуальному плану. Видя, что я быстро решила задачу, она говорила: «Бери учебник и решай дальше, сколько хочешь». Это освобождало меня от домашних заданий. Но в 10 классе с приходом еще одной новой учительницы, я перестала ходить на математику. Когда расписываешь на доске во всю ее длину пример, то естественно, думаешь быстрее, чем пишешь, поэтому и ответ сразу готов. Но чувство удовлетворения сразу перебивает окрик: «Сейчас же сотри и расписывай». Но это уже скучно. Педантизм не в моей натуре. Поэтому не случайно, что на экзамене на аттестат зрелости, мне по геометрии досталась теорема, которую я не знала. Но уроки Веры Викторовны не пропали зря: я ее доказала прямо у доски.

Обязанности учителя часто приходят в конфликт с наличием доброго сердца. Но память о нем живет и работает не с меньшей эффективностью, чем полученные знания. Единственный мужчина среди преподавательского коллектива был учитель по химии Федор Иванович. Мы впервые в 7-м классе вошли в специальный кабинет. Огромный стол с пробирками, банками, штативами. Вместо парт большие черные столы. Началась переключка. Назвав мою фамилию, он внимательно посмотрел на меня и вместо следующей фамилии произнес: «Стало быть, философом стать собираетесь, материю изучать будете». Я залилась пунцовой краской. Как узнали про то, что я тщательно скрывала, так как мое решение казалось мне пределом нескромности. Случайное открытие, что в МГУ есть

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

философский факультет, казалось чудом, позволяющим прикоснуться к мудрости без всякого права не нее. Меня успокаивали: «чего стесняешься, не боги горшки обжигали».

В конце сентября Федор Иванович в конце урока произнес: «Туровская, стало быть, завтра спрашивать буду». И я впервые прочла нужный параграф. Так установилась система: он меня каждый раз предупреждал, когда будет спрашивать. Фактически он освободил меня от изучения своего предмета для «высших целей». Однако экзамен по химии входил в перечень 11 предметов на аттестат зрелости. А химию я совсем не знала. Я на трое суток уселась на подушки за письменным столом и по каждой теме писала шпаргалки. А мама поила по ночам меня кофе и пришивала потайные карманчики под складками школьной формы. Настал день расплаты. Я взяла билет и начала вспоминать, в каком кармане данная тема: в фартуке или под складками платья. Вспомнила, и стала думать, как незаметно достать шпаргалку, ведь сижу за первым столом. Но тут случилось неожиданное. Представляя, где лежит нужный листок, я вдруг увидела, как будто читала, все его содержание. Я стала спокойно и уверенно излагать содержание по указанной теме. Более того, вторым практическим вопросом мне досталось получение зеркала, которое ни у кого не получалось на уроке. Когда я подошла к столу, чтобы провести эксперимент, Федор Иванович обеспокоился, ожидая неудачи, и стал уговаривать, что без этого можно обойтись, и просто можно рассказать об этом. Но то, что я не подвела учителя, ответив на «отлично» на вопрос по теории, окрылил меня, и я впервые взяла в руки пробирки и запустила реакцию. Зеркало получилось. Прошло уже более полувека. А я вижу и слышу, как счастливый учитель каждому члену комиссии подносит пробирку и срывающимся от счастья голосом говорит: «Туровская, стало быть, зеркало получила». Его радость от того, что вопреки всему я знаю химию, тронула и мое сердце.

Когда сейчас постоянно, как от точки отсчета, ругают традиционную школу, - мне больно. Чем дольше я живу, чем больше я сталкиваюсь с педагогическим процессом, тем больше я понимаю, как мне повезло с моей 586 школой, что в Кадашевском переулке. В те послевоенные годы не была актуальной проблема одаренных, дифференцированного и индивидуализированного обучения, за исполнение которых отчитывались «Наверх». Но каждый настоящий учитель это осуществлял по своему разумению. Таким подлинным педагогом была мой классный руководитель, учитель по литературе Мария Васильевна. Она жила вместе со своей подругой - нашим директором - при школе. Их мужья погибли во время войны.

Мария Васильевна очень любила литературу и иногда читала нам по целому уроку стихи «не программных» поэтов. По своей лени и пропускам, я никогда не знала, какой отрывок нам задавали учить наизусть, да и прочесть поэму было интересно. Когда вызывали, читала наизусть все подряд. Мне она ничего не говорила, но в параллельном классе приводила в пример. На языке того времени мне разрешалось прогуливать школу неделями. На языке современного образования - я училась по индивидуальной обогащенной программе по литературе. Мария Васильевна знала, что я сижу в Ленинской библиотеке целыми днями и пока не прочту собрание сочинений данного автора в школу не приду. К седьмому классу я прочла всю русскую классику и отправилась в «Ленинку», чтобы по такому же принципу читать зарубежную. Надо отметить, что переключение было тяжелым. Тургеневская девушка не могла принять Мопассана. Ко мне приходили в «Ленинку» одноклассники с предложением своеобразного бартера: мне рассказывают, что прошли за

последнее время по тригонометрии к завтрашней контрольной, а я взамен пишу домашнее сочинение.

До сих пор вижу себя бредущей в школу с понуро опущенной головой и чувством бесконечной вины. В школе, обнаружив меня, набрасывались сразу все предметники. Но я научилась учиться фактически экстерно (это потом пригодилось в университете) и спасала хорошая память. Но не по литературе. Я знала, что когда наши классические отличники (класс все годы был самым сильным в школе. 11 девочек шли на золотую медаль) не ответят так, как этого бы хотела Мария Васильевна, то это обязана сделать я. Эта обязанность обеспечила мне написание на 5+ сочинения и фактически определила поступление в МГУ.

Вера учителя много значит в нашей жизни. Однажды, давая характеристику всему классу, обо мне она говорила так, что душа затрепетала. Она считала, что чем бы я не занялась в жизни, то обязательно вернусь в литературу. Мне очень жаль, что я не успела перед ее смертью привести свою первую книгу.

Уже на четвертом курсе философского факультета меня, как и многих потрясли своей глубиной, четкостью, злой трезвостью, доходящей до сарказма, но вместе с тем обещающим перспективностью в решении извечных проблем, лекции Петра Яковлевича Гальперина по истории психологии. Если я поступала на философский факультет, чтобы понять, как устроен мир, то получив это знание относительно достаточное, чтобы определить свое место в нем, вставал новый вопрос: кем работать? Общение с Петром Яковлевичем убедило меня в том, что мой путь осмысления философской проблематики, по крайней мере, сразу после окончания МГУ должен быть связан с переводом ее на рельсы практически осязаемой, экспериментальной работы. Ибо, какой ты философ, если не строишь свою теорию.

Иногда помогает и невежество. Я не знала, что нельзя учиться сразу в двух вузах, и пошла просить об этом ректора. Неожиданная просьба определила и неожиданность ответа: «Это не разрешается законом, но я не знал, как Вас наградить за работу в руководстве НСО факультета. Учитесь под мою ответственность параллельно до первой четверки».

Догонять программу и сдавать по две сессии обязательно на высший балл, было непросто. К тому же, надо было выбирать руководителя курсовой по психологии. Долго раздумывая, я все же выбрала среди психологов философа С.Л.Рубинштейна. Это одна из жизненных удач. Однако, в этой школе я - замыкающая. Я оказалась последней дипломницей Сергея Леонидовича. Он был уже уволен и не бывал на факультете, поэтому мне не пришлось слышать его лекции.

Рубинштейн поставил передо мной задачу экспериментального выявления механизмов, приводящих к инсайту. Тема, которую он предложил, «варится в горшочке моего мозга» уже полстолетия. И хотя я видела его очень редко, но сработало верное следование методологии С.Л.Рубинштейна, принятие его исходных положений: мышление это познание и поэтому оно способно решать проблемные ситуации; следует исходить из объективно контролируемых «внешних» фактов, но задача психологического исследования в том, чтобы вскрыть внутренние условия и закономерности того скрытого, непосредственно не выступающего процесса, который к ним приводит. Именно внимание к процессу мышления, потребность понимания каждого действия позволило мне пойти дальше, но не вопреки, а благодаря принципам присвоенной методологии.

Во время написания диплома Сергей Леонидович очень долго находился в больнице. Алексей Николаевич Леонтьев вызвал меня к себе: «Рубинштейн болен, но ты работай спокойно. Я буду тобой руководить. Только не критикуй его, и тогда все будет в порядке».

Наставление Алексея Николаевича вызвало обратную реакцию. Я подняла все курсовые и дипломные, которые писались под руководством Сергея Леонидовича, отыскала в них некоторые нестыковки и навела критику. Когда Рубинштейн вернулся из больницы, я приехала к нему домой. Он протянул мне мою работу. Она вся была перечеркнута. Он просил меня убрать кусок с описанием противоречия, уверяя, что это никак не испортит мою работу. Он объяснял мне, что у него много врагов, кто-нибудь обязательно уцепится за то, что он в какой-то курсовой что-то просмотрел... Но мне казалось, что принципиальность превыше всего. Я уже видела себя уезжающей без диплома работать на целину. Мудрый и добрый Сергей Леонидович отступил. Начал стирать свои перечеркивания, а затем сказал: «Ладно, не обращайтесь внимания». Теперь-то я понимаю, что это не принципиальность, а невоспитанность, юношеский максимализм и глупость, за что теперь мне стыдно.

В назначенный день защиты все опасались, что Рубинштейн не приедет, потому что должен приехать Леонтьев. А Леонтьев не приедет, потому что должен приехать Рубинштейн. Но в результате приехали оба. Для них это было тяжело, но они не принесли студента в жертву. Чем дальше живу, тем выше оцениваю этот поступок и проявленное Сергеем Леонидовичем великодушие. Я что-то говорила сама по себе, а Леонтьев с Рубинштейном обсуждали что-то свое. Разговаривали впервые после долгого перерыва. Как руководитель Сергей Леонидович должен был сказать обо мне несколько слов. То, что он сказал, поразило меня и в научном, и в человеческом отношении. Он сказал, что как экспериментатор я сильнее гештальт-психологов (тогда это было мне непонятно, и поэтому даже не вызвало, кроме удивления, никаких эмоций), что подает заявку на мое распределение к нему в сектор Института философии, поскольку хочет поручить мне экспериментальное обеспечение планируемой им теоретической работы (это было понятно и обрадовало). В тот день, когда меня должны были зачислить в его сектор, он умер, а я попала в больницу.

Моя подруга Света Новоселова, которая со школьных лет увлекалась зоопсихологией, привела меня в Дарвиновский музей, который таился в центре Москвы в здании МПГУ. Это был отдельный подъезд нынешнего педагогического университета. Надо было пройти обширное пространство, где замерли в приветливом ожидании мамонты, динозавры, шимпанзе. А далее, двигаясь вверх по узкой винтовой лестнице, можно было переходить из одной маленькой комнаты в другую, донельзя забитые старинной мебелью и антиквариатом, предназначение которых было одно - служить местом, куда кладут рукописи. Рукописи были везде. В моей семье до сих пор живет, унаследованное выражение: «пол как стол».

Я не собиралась заниматься зоопсихологией, но меня сразу покорили его хозяйки: академик Ладыгина-Котц и ее ассистентка Наталья Федоровна.

Надежда Николаевна Ладыгина-Котц была эстафетой серебряного века в наш 20-тый. Она умерла в середине века, когда запуски спутников были еще экзотикой, и рабочим орудием был не компьютер, а пишущая машинка. Но все равно она была «несовременной». Прическа, платье, манеры создавали особый, классический, царственный облик русского интеллигента. Ее личность несла слишком сильную печать индивидуальности. Пережитые две мировые войны и революция не поколебали дворянскую невозмутимость Надежды Николаевны. Ее манеры не могли не выражать внутреннюю цельность: никаких эмоций вовне, последовательность, пунктуальность и над всем этим давило «величие». Она была

настолько скромно царственной, что когда я наблюдала ее в государственных учреждениях, то она виделась не там, а как бы несла с собой свое пространство.

Несмотря на то, что в самые критические моменты жизни я бежала не домой, а к Надежде Николаевне, с которой делилась самым сокровенным: горем, невозможностью принять решение..., но это было откровение скорее перед богом, а не человеком. Эту дистанцию иного измерения я осознала, когда Надежда Николаевна призналась, что в отношениях со мной она испытывает впервые в жизни эмоциональную дружбу. Это признание скорее огорчило меня, т.к. я поняла, как она одинока. Мне не было даже лестно, так как чувства «зашкаливали». Все было нереально, и все было возможно, как в зазеркалье.

Она верила в меня, по-моему, больше чем мои родители, которые скорее желали мне успеха, но не могли его прогнозировать, в силу отсутствия опыта жизни в науке, и поэтому были просто требовательными ко мне. В дни моих личных побед, я вынимаю фотографию Надежды Николаевны с надписью, как я считала слишком завышенной и отчитываюсь в содеянном, как бы оправдывая ее оценку.

Но самое сильное потрясение, оказавшее влияние на мою последующую жизнь, связано даже не с тем, когда я узнала, что у Надежды Николаевны инфаркт, а с тем - как может себя вести человек перед лицом смерти. Когда я в ужасе прибежала в музей, то меня ошеломило, не то, что меня не пустили к Надежде Николаевне (естественно, что человека в тяжелом состоянии нельзя тревожить), но нет, мне сказали, что это часы когда Надежда Николаевна работает. Мне открылась тогда сила найденного смысла жизни, верности делу и то, что сила духа сильнее смерти. Это был урок мужества и пример того, что в жизни подлинные подвиги могут совершаться тихо как само собой разумеющееся.

Годы шли, и в тяжелые минуты я ощущала не только поддержку родных за дверями операционных, но рядом был образ Надежды Николаевны, работающей по расписанию в любых жизненных и нежизненных ситуациях.

Наверное, это не случайно, что разрабатываемое мною всю вторую половину моей жизни представление о творчестве, укладывается в емкое высказывание В.Франкла: «В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу,... тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания» [Франкл В. «В поисках смысла», с.29-30]. Как видно, то, что пронзило меня так в юности, та открывшаяся мне нравственная истина и определила направления моего поиска в науке.

Когда меня спрашивают друзья, что мне дает звание почетного члена Российской академии образования, я отвечаю, что это официальный документ отчета перед родными и моими учителями, теми, кто верил в меня, кому я обязана своей судьбой.